

Павел Рыбаков Андрей Висков

16+

Бармен из Преисподней

Павел Рыбаков

Бармен из Преисподней

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рыбаков П. Н.

Бармен из Преисподней / П. Н. Рыбаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Представьте себе, что вас похитили, чтобы навечно посадить за барную стойку. Представьте себе, что вы должны изо дня в день готовить коктейли, разливать напитки, а иногда и давать в зубы несколько осмелевшим посетителям. Именно это случилось с главным героем данного романа, Сергеем Вяземским, и работает он не абы где, а в баре, который находится на приступах Ада, и его клиентами является различная нечисть и нежить. И всё бы ничего, и сам Сергей уже смирился бы со своей судьбой, но тут, как гром среди ясного неба, раздался телефонный звонок...

1

– Эй, бармен, повтори мне ещё!

Господи, как достал меня этот упырь! Он выпил уже пять бутылок болотной сивухи, а ему всё мало. А ведь пошло-то дорогое...

– Ты не понял?! Неси ещё ты, кусок мяса!

Так, бармен, спокойней! Держи себя в руках! Это всего лишь подвыпивший клиент, не поддавайся на провокации! Мама учила не обращать внимания на оскорбления!

– Чем платить будете?

– Башкой твоей платить буду! Не зли меня, вошь бутылочная! Или ты приносишь мне пинту, или...

Прости мама, меня вынудили...

Советская пустая пятилитровая стеклянная бутылка опустилась на него быстрее, чем этот пьяница оголил свои клыки. Упырь размяк, осел, завалившись на стойку, забрызгав её слюной и рвотой. М-да... переборщил... а что делать? Выпивка не резиновая, а мне и так недоплачивают. Но обо всём по порядку.

Зовут меня Вяземский Сергей Борисович, и я работаю барменом в Аду. Да-да, вы не ослышались, в самом настоящем церковно-библейском Аду, куда попадают грешники после смерти. Но в отличие от них я ещё жив и обитаю на приступах Ада, в месте под названием Лимб. Он считается первым из Семи Кругов, где живёт почти всё разнообразие всяких разных живых и не живых тварей, которыми в нашем мире пугают детей и взрослых, и которые, время от времени буянят в мире человеческом. Настоящих, живых людей в Лимбе кроме меня, сели сравнивать с общей населённостью можно, что говорится, по пальцам пересчитать. Ну а тех, кто сохранил здесь свой рассудок, и того меньше, и я очень надеюсь на то, что отношусь к числу здравомыслящих. Ну а работаю я в баре с очень оригинальным названием «Преисподняя», куда каждый вечер (а так же утро и день) заявляется выпить, отдохнуть и получить от меня по кумполу различные вампиры, упыри, оборотни, ведьмы разных мастей, мелкие (и не очень) бесы и прочая шушера.

Попал я сюда случайно. Если в двух словах – меня похитили. Хотели было съесть, но тут меня выкупил хозяин бара и поставил за стойку разливать напитки посетителям.

Поначалу я их боялся. Сильно боялся. До трясущихся, блин, рук и вообще полного конфуза! Согласитесь, когда каждое человекообразное (и не только) нечто рассматривает тебя, как закуску к пиву, тут реально будешь жить одним днём и долгими ночами, где ты не можешь сомкнуть глаз. Воображение тут же услужливо начинает рисовать картину, в которой какое-то очередное чувырло подкрадывается к твоей кровати и тянет свои грабли с многосантиметровыми когтями с целью полакомиться вкусной человечинной. И конечно меня пытались съесть. К примеру, был случай, когда наша официантка, обворожительный суккуб по имени Бэлла еле-еле объяснила огромному мумифицированному жуку-навознику (египетское, блин, боже-ство!), что бегающее и орущее матом мясо не является заказанной им закуской. Вот только Бэлла в этом заведении, да и, наверное, во всех Семи Кругах, хоть и не являлась человеком, относилась ко мне по-дружески, хотя сама, в следствии своих видовых особенностей организма, нередко питалась людьми. Но, как бы то ни было, она очень сильно мне помогла во всём, что касается адаптации к новым условиям жизни и за это я ей был по гроб жизни благодарен.

Оказалось, что в Лимб довольно легко попасть из мира людей. То есть, вот вообще проще некуда. Как два пальца, блин, об асфальт! Грань между мирами настолько тонка, а порталов настолько много, что любой человек, в каком бы он ни был состоянии, может попасть в сей негостеприимный мир, просто не туда свернув. Из-за этого появилось много каналов, по которым полноводной рекой шла контрабанда. Пёрли из нашего мира всё: драгоценные металлы и камни, бракованное и вышедшее из моды использования оружие, как холодное, так и огнестрельное, старинные вещи, монеты и даже продовольствие. Благодаря контрабанде последнего

я и не голодал и питался более или менее сносно. Солидная часть всего этого полноводного потока ништяков уходила на чёрный рынок Лимба, где благополучно сбывалась за бесценок. Зачем всё это? Я и сам не до конца это понимаю, но к нам в бар иногда заходит нечисть с огнестрелом в кобурах и в ремнях разгрузок, которые были заполнены магазинами к разной стрелковке. Когда в один из приходов такого контингента, я спросил у Бэллы, мол, нахрена козе баян... тьфу, то есть нафига бесу пистолет, она ответила, что те представители огромного ареала нечисти, вследствие каких-то обстоятельств не владеющие магией, носят обычно с собой самострелы для личной безопасности, ну или попросту понту ради.

И вот, получив в качестве первой зарплаты несколько ржавых жестяных кружочков, которые здесь ласково назывались «деньгами», я попросил Бэллу достать мне огнестрел и патроны, и уже на следующий день на моём поясе в самодельной кобуре покоился потёртый, но вполне работоспособный обрез ружья двустволки Иж-54, а в карманах ждала своего часа картечь. Так же Бэлла сподобилась поставить на мой новоприобретённый ствол специальную демоническую метку, чтобы я его не потерял, а то дорогая игрушка получилась, а я без него совершенно незащищённым оказываюсь.

Вот с этого момента и понеслось настоящее веселье. Я прицельно и навскидку разносил головы тем, кто тянул ко мне свои зубы и когти, благо

патроны, поставляемые Бэллой, не заканчивались, а трупы удачно превращались в закуску к выпивке. За короткий промежуток времени я так наострился стрелять, что мне бы позавидовали бы все герои старых добрых вестернов с Клинтом Иствудом. Но это веселье имело свои последствия. Моя пальба по "тарелочкам" начала отпугивать всех посетителей, что вызвало опустение бара, задержку нашей с Бэллой зарплаты и негодование начальника. Я тогда получил подзатыльник, от которого отлетел к противоположной стене, сломав на пути два стола и три ребра, а Бэлле запретили ходить на рынок. Разумеется, она за это на меня обиделась, и мне пришлось три недели вымаливать у неё прощения. В конце концов, она меня простила за свеженький труп, похожий на смазливую рок-музыканта, который я честно выкрал из мясной лавки «Мага Дональд», поцелуй, и обещание отдавать все чаевые.

С тех самых пор мне пришлось самому ходить на рынок и покупать себе боеприпасы и еду. Правда теперь на меня никто не решался огрызаться, так как все были наслышаны о боевом мясе из бара «Преисподняя», размахивающего ружьем направо и налево. В баре даже посетителей со временем прибавилось. Все приходили на меня посмотреть, но вели себя теперь осторожно, чтобы не провоцировать мою и так не совсем здоровую психику.

Бэлла проворно убрала упыря со стойки, а я послушно начал счищать следы недавней драки. Закончить мне не дал молодой вампир, заказавший бутылку пламенного виски. Он осушил бутылку одним махом и следом заказал кружку пива «Старый чёрт» и два подгнивших огурчика. Рисковый, ничего не скажешь. Так понижать градус может только самоубийца. Свою трапезу он закончил плесневелой ножкой мамонта и, недоплатив мне две жестянки, ушёл, шатаясь, через окно, оставив за собой приличного вида дыру. Ну вот, опять из зарплаты вычтут...

Подала голос пара духов-молодожёнов из дальнего угла бара. Даже не слушая их вопли, я поставил на поднос официантке два флакона эфирной настойки. Эти духи всё равно больше ничего принять в себя не могут, а если дать им обычного пойла, так ведь обидятся, будут стенать, гремять цепями, и того гляди разнесут в щепки половину здания.

Два низкорослых оборотня, в обрывках спортивных костюмов, на которых всё ещё можно было прочесть «Абигас», молча ели в своём углу фаршированную девственницу, запивая всё это лиловым шнапсабсеном. Вообще мне эти собачки мне всегда нравились: тихие, спокойные, платят исправно, да ещё и чаевых оставляют столько, что я неделю потом могу не считать патроны.

За дальним столиком за праздной беседой и игрой в человеческие кости засела компания престарелых Падальщиков. Эти похожие на чертей существа были в своё время королями различных побоищ, ночами пожирая трупы павших воинов. Однако с годами их зубы почти совсем рассыпались и есть они могли разве что молотые в кашу ушные хрящики с водой через трубочку, да кидать кости на столик. Вполне себе мирные старички, если только не давать им алкоголь. Но я-то знаю, что в их протезах налит чистый ста восьмидесяти градусный спирт и видел, как они незаметно подливают его в кашу. Я не стал дожидаться, когда эти пенсионеры-трупоеды начнут буянить, рвать на себе последние лохмотья и разбивать черепушками столы. Одного моего взгляда хватило, чтобы Бэлла подошла к надтреснутому старинному граммафону и, поставив одну из пластинок, завела его. По бару растеклась великолепная мелодия, сочетающая в себе звуки тренькающей раздолбанной гитары, проведённого по стеклу пенопласта и голоса пьяной вдрызг картавой и визжащей недопевицы всея Семи Кругов Марты Асграчёвой. Обычно посетителям «преисподней» такая музыка нравится, Хотя я всегда слушаю её в берушах. Пенсионерам хит Адской примадонны тоже пришёлся не по душе и они, ворча под нос о слишком расхлябанной молодёжи и «Сталина на вас нет!», неспешно покинули заведение, чем заставили меня облегчённо вздохнуть. Ещё одной драки терпения моего уже могло и не хватить...

Одинокое сидящая горгулья за столиком на двоих, подперев когтистой лапой щёку, ленивоковыряла когтём второй лапы блюдо под названием «Японец в собственном саке». Рога начищены до блеска, на шее аккуратная бабочка, а в зубах пережёвывается веник из репейника, крапивы и чертополоха. М-да, не стоило ему доверять компании «Знакомства вслепую». Этой шарашкиной конторой заведует одна из сородичей Бэллы, поэтому разбитых сердец на их счету гораздо больше, чем склеенных. Вот обрезом своим клянусь, что сегодня же вечером этот горе-любовник позвонит в «Интимные услуги на дом», где сплошь и рядом одни суккубы работают, и больше я его в баре не увижу. И поделом! На улицу бы лучше шёл знакомиться. И эффективнее и безопаснее, хотя на счёт последнего я не уверен...

Очнулся вырубленный мной упырь, собрал рассыпавшиеся зубы и, прощамкав дёснами извинения, вылетел стремительно через дыру в окне. Хорошо, что Бэлла успела его обчистить, а то босс опять бы рассердился, а у него рука тяжёлая...

И вот так целыми днями. Нечисть приходила и уходила, грязные стаканы наполнялись и осушались, никто не провоцировал меня взяться за обрез, и я уже начал скучать, как вдруг, когда самый последний упырь уже расплатился за глазное мартини и ушёл, в баре зазвонил телефон. Я не имел никакого понятия, зачем в баре был поставлен телефон, ведь нечисть Лимба общались на расстоянии другим, не известным мне способом. Однако этот допотопный, советских времён, аппарат с круглым вращающимся циферблатом стоял прямо на моей стойке и звонил. Я даже подождал пару минут (вдруг ошиблись номером) но телефон продолжал трезвонить не переставая. Справившись с собой, я всё же снял трубку и сказал первое, что пришло в мою большую голову:

– Бар «Преисподняя». Идите к чёрту!

Вначале я услышал лишь помехи. Я уже хотел положить трубку, как вдруг среди шипения до меня дошли отчётливые слова:

Склад... Ночь... Клад... Ще... Девять... Не пропусти!

– Что? Какой клад? Какая ночь? – спросил я.

– Бунк... Не... Один... Полночь...

На этом связь прервалась и телефон замолчал. Даже помех не было. Мёртвый старый механизм вновь превратился в безмолвный и никому не нужный атрибут интерьера бара.

Я повесил трубку и задумался. Это не было похоже на розыгрыш, ведь в Лимбе не пользовались телефонной связью, а этот доисторический прибор стоял в баре как украшение. Он даже подключён не был, но факт остаётся фактом: кто-то (или что-то) звонил по телефону и

говорил о каком-то складе. И ладно склад, таких у нас полно, но причём тут цифра девять? Всё это тянет на помешательство, но я-то знаю, в Лимбе ничего просто так не случается.

За этими размышлениями я не заметил подошедшей официантки.

– Ты чего оцепенел весь, будто горгониду увидел? – спросила меня Бэлла, приобнимая меня за плечи.

– Да вот думаю, может трофейных упырей по стеночкам бара развесить, – я обернулся и заставил себя выдать слабенькую улыбку, – А что? Я их буду убивать, а ты головы жертв на стенах вывешивать будешь.

– Ты не умеешь шутить, – сказала Бэлла, скривив свой носик, а затем, прищёлкнув пальцами и поправив мне галстук, продолжила, – давай, колись, отбивная, чего такой мороженный. Или опять в холодильник залез и увидел одноклассницу?

Блин, вот ведь будет напоминать мне этот случай до самой (скорее всего, всё-таки моей!) смерти. А я всего-то случайно зашёл на кухню за льдом. Обычно повариха (гигантский монстр с лиловыми щупальцами) регулярно мне его предоставляла, но тут забыла, клиентов было много, и я решил сходить на кухню сам. Фишка в том, что когда я открыл холодильник, я увидел замороженное тело девушки. Немного присмотревшись, я к своему ужасу, узнал в ней бывшую одноклассницу и главную мою любовь школы. Даже выражение лица было такое же, как в тот злополучный день, когда я признался ей в чувствах, а она меня отшила. Она при жизни была идеалом красоты, а в нашем баре из неё сделали вполне себе аппетитно выглядящую шаверму. Посетителям-то что, для них она – еда, а я потом неделю из депрессии вылезти не мог.

Я рассказал Бэлле всё, что случилось. Она слушала меня не перебивая, иногда только поднимала в удивлении вверх брови. По окончании рассказа она, сделав задумчивое лицо, потрогала мой лоб (я от холода её ладони весь мурашками пошёл) и категорично заявила:

– Ты явно сошёл с ума. Не удивительно, человеческое восприятие не может противостоять столь сильному давлению со стороны явлений, которые этим восприятием считаются нереальными.

– Ты что, опять с академиком ужинала? – спросил я.

– А что тут такого? – бледные щёки Бэллы вспыхнули – академики – очень умные люди, а их мясо, особенно мозговая косточка, сочетает в себе и полезную питательность, и энциклопедические знания.

– Завязывай ты с этим, а то от тебя уже все клиенты шарахаются.

– Кто бы говорил, бешеное фрикасе с пушкой!! Да если бы не я, к нам клиенты бы не ходили, а ты попал бы на стол какому-нибудь вампиру голубой крови.

С этим было трудно спорить. Одним из главных способов завлечения клиентов в наш бар была и оставалась наша прекрасная официантка-суккуб. На работе она носила минимум одежды, а в совокупности с чёрными с фиолетовыми локонами, прямыми волосами, фиолетовыми глазами, вечной кокетливой улыбкой и более чем соблазнительной фигурой, заслуживала абсолютное благоговение мужской стороны нечистой силы и срывала себе большие чаевые. Однако приставать к ней никто не лез. Все знали, что ночью суккубы притягивают противоположный пол со страшной силой и, во время... кхм...ну, пусть будет «соития», выжимают все жизненные соки из бедной жертвы. Согласитесь, замечательная смерть... Ей даже запрещалось находиться в баре в ночные часы, а это о многом заставляло задуматься.

Таким образом, посетители приходили в бар «чисто посмотреть» на милашку-официантку, а заодно выпить и закусить. Ко мне она относилась снисходительно, даже заигрывала иногда и всегда готова была помочь. Иногда мне даже приходит мысль, что именно Бэлла, а не начальник поставила меня на эту должность...

Мы проговорили с ней до вечерних сумерек. За это время мы успели поругаться и помирились, она пыталась меня укусить, я пытался огреть её прикладом, в результате получил по башке подносом для напитков и сломал этот же поднос пополам.

– Делай как хочешь, – сказала наконец суккуба, убирая с лица непослушную прядь и разворачиваясь на каблуках, – твоя жизнь, сам решай, как и где тебе умереть. Можешь искать свой грёбаный склад, кладбище у нас одно, не ошибёшься, но если что, я за тебя не вступлюсь на этот раз, пойдёшь на мясную нарезку ближайшему вурдалаку!

Бэлла ушла, картинно хлопнув дверью. Вот любит она это позёрство. Я почти на сто процентов уверен, что она на меня уже не злится и, скорее всего, будет следить за моей персоной. Приглянулся я ей чем-то. Правда у меня такое ощущение, что интересуется она мной чисто из суккубьих наклонностей...

С этими мыслями я спустился в свою каморку, которую считал самой неприступной крепостью в Лимбе. Каморка представляла собой небольшой подвальчик под барной стойкой. Внутри находился тюфячок, который я ласково называл кроватью. Вокруг тюфяка, да и по всему периметру подвала и на входе были расположены многочисленные ловушки: капканы всех мастей, волчьи ямы, противопехотные мины, колючая проволока (обязательно под напряжением) и другие незамысловатые приспособления для устранения нежелательных гостей. У самого тюфяка я даже поставил на сошки внушительных габаритов австрийский пулемёт времён Первой мировой войны под пистолетный патрон с очень труднопроизносимым названием Standschütze Hellriegel M1915. Этот Машинган с водяным охлаждением ствола я смог по дешёвке выторговать у одного чёрта таки очень семитской внешности и большой окружности пузяки. И не спрашивайте меня, как я это сделал! И на бис не покажу, можете даже не пытаться меня спрашивать. Скептики, увидев мою лачугу, удивились бы, как такое количество всего уместилось в одну маленькую каморку, но когда ты живёшь и работаешь с нечистью, поневоле начинаешь думать о своей безопасности, а как она достигается – великая загадка мира.

Я подошёл к куску зеркала и внимательно рассмотрел своё лицо. М-да, я явно схуднул на харчах Лимба. Лицо и так тощее, теперь совсем вытянулось, волосы взъерошились, щёки впали, а в мешках под глазами легко могли бы жить и размножиться гремлины. От шикарной и аккуратной бородки теперь остались козлиные «три волосинки» после встречи с каким-то идиотом с парикмахерскими инструментами вместо рук и маниакальным желанием кого-нибудь подстричь. Хорошо хоть одежда всегда была в нормальном состоянии. Работнику шейкера и мастеру наполнения бокалов и рюмок надо одеваться в соответствие с образом: белая, немного мягкая рубашка с длинным рукавом, небрежно заправленная в чёрные потёртые джинсы. На ногах я всегда носил крепкие тяжёлые ботинки, пригодные как к походам по пересечённой местности, так и дать кому-нибудь в нос. Ну, и конечно же галстук цвета крови, повязанный и подтянутый заботливой Бэллой. Я искренне ненавидел эту чёртову удавку, но на меня её надели чуть ли не силой и у меня никак не получалось его снять. Каждое утро, даже если перед сном я его снимал, галстук висел у меня на шее и был затянут так сильно, что я дышал, чуть ли не через раз! Я в очередной раз ослабил связавший мою шею так, что он доставал до штанов и расстегнул две верхних пуговицы рубашки. Так-то лучше. Совсем задушит меня эта униформа.

Я покопался под тюфяком и нащупал там все оставшиеся патроны и пару хлебцев, единственную еду, которую я мог спокойно есть, проверил растяжки с минами, чтобы никто не смог добраться до моих вещей и, закрыв каморку на все замки, вышел из бара.

* * *

Как в двух словах описать Лимб? Унылая, четырежды проклятая мной земля!!! Мир серости и безысходности. Жалкая унылая пустыня с чахлыми редкими деревцами, изогнутыми в причудливых фигурах. Хмурое небо заполнено тёмно-серыми тучами, за которыми светит тусклым светом далёкое солнце. Иногда выпадают редкие осадки и на короткое время на земле появлялись лужи грязно коричневого цвета. Здешняя вода такая же не пригодная для моего организма, как и пища. Лужи потом быстро испаряются, ибо земля в Лимбе тёплая, даже горячая. Поэтому тут нет времён года. Сплошная полусухая, тусклая и серая осень без листьев. Здесь даже нет конкретных рамок дня и ночи. Просто в какой-то момент серая хмарь стано-

вится темнее и вся нечисть в это время уходит спать. В это время я чувствовал себя в большей безопасности. Хотя и оставалась нежить, но эти полусгнившие бабайки жили на определённых местах и далеко от них не заходили. Их можно было видеть и в баре, но ближе к вечеру, и то, они обычно брали заказ «с собой» и перекусывали на ходу. Исключение составляли духи или призраки. Изначально весь Лимб принадлежал только им, поэтому они могли жить и существовать в любое время дня и ночи. Однако, всесторонние гонения нечисти в мире людей и разрастание числа кадров в начальственных высотах «Семи Кругов» потеснили бесплотных с насиженных мест и заселили Лимб более реальными страшилами. Сами же призраки неоднократно протестовали, но на них не обращали никакого внимания. На сегодняшний день бесплотные успокоились, но, мне кажется, всё же затаили обиду.

Где находится кладбище, я примерно знал, но как туда пройти – нет. Улицы городка Развалины, где находился бар и который являлся единственным жилым клочком земли во всём лимбе, были запутаны и извилисты. Раньше говорили, что в городке было всего лишь тринадцать домов и один широченный проспект. Переселение нечисти потребовало больших строительных работ жилья и большие, этажей в десять, многоэтажки из красного кирпича, ставили, где попало, стремясь обеспечить жителей Лимба жильём, при этом, не расширяя город. В конце концов, только центральную улицу, где наш бар и находился, оставили широкой, а остальные улочки сузились до состояния коридоров, а сам город превратился в лабиринт. Причём ты на сто процентов не знаешь, куда выйдешь в этот раз. Бэлла мне говорила, что нужно держать в мозгу место, куда ты хочешь попасть, и, куда бы ты ни свернул, всё равно выйдешь в нужном направлении. К моему удивлению это всегда работало, когда я выходил из бара на чёрный рынок, и поэтому я представил в голове образ классического кладбища из ужастиков. Я пропетлял не больше получаса, когда моему взору предстал... типичный городской погост. Небольшой клочок земли, ограждённый лёгкой кованой оградой и усыпанный могильными холмиками с крестами и плитами. Даже луна откуда-то появилась. Ни охранников, ни плачущих вдов, ни-ко-го. Красота неопишуемая! Странно, но отчего-то мне жуть как понравился этот мрачный вид. И, пожалуй, единственной не вписывающейся деталью этого пейзажа было огромное дерево, стоявшее посередине кладбища.

Я тихонько подошёл к погосту и осторожно тронул хлипкую калиточку. Дверца открылась, на удивление, легко и без скрипа. Войдя я на минуту засмотрелся на это великолепие, и только поднявшаяся прямо из неоткуда тень заставила меня ощутить холодные, как прикосновение самой Смерти мурашки в районе затылка.

– Мо... Мо... Мо... – раздалось за моей спиной

– Кто здесь? – спросил я, поворачиваясь и незаметно доставая обрез.

Передо мной стоял зомби. Классический живой мертвяк с нездоровой тягой к нежной живой плоти, особенно к мозгам.

– Моз... зги... йсть? – только и смог я разобрать из невнятной речи немёртвого.

– Учитывая, что я пришёл сюда в такой час, очевидно, что нет!

– А... а если... найдём? – снова прошамкал мой собеседник.

Пресвятой сивушный дым! Это же форменный гоп-стоп! Судя по истлевшей одежде зомбака, в которой ещё можно было угадать спортивки «Найк» (мадэ ин чайна) я понял, что при жизни это был житель уютных российских подъездов. А судя по мельтешившим за его спиной ещё нескольких теней, к этому гопнику подходили его братки. Забавно. Кажется, меня приняли за очередного лоха, который с радостью выложит им свои мозги на блюдечке. Ага, разбежались!

Первый выстрел пришёлся на ближайшего зомби. Того самого, кто заговорил со мной. Он ещё не успел упасть с разможжённым черепом, а уже второй получил заряд крупной дроби в переносицу. Дальше пошло мессиво. Мертвяки падали на землю с тем, что осталось от их пустых голов, с дырами в животах, с оторванными конечностями. Некоторые поднимались

обратно, но ещё ни одна тварь Лимба не могла противостоять двум залпам из моего обреза. Часть зомби также нападала на меня, а часть оттаскивала павших товарищей, чтобы утолить свои безграничные аппетиты более спокойным мясом.

Я же бил не целясь во все стороны, постепенно птясь назад, благо гопозомби были медлительны и шли на меня полукольцом сомкнув ряды, и я, так или иначе, попадал в цель. Патронов у меня бы на всех не хватило, так что я старался просто вырваться из окружения и мне это почти удалось.

Началось всё с того, что у меня закончился боезапас. Увидев это, мертвяки с воем усилили натиск, матерясь как заправские сапожники. Мне пришлось отбиваться прикладом от самых ретивых. Однако приклад – это не пуля. Зомби можно остановить только раскроив ему череп или расчленив настолько, чтобы он уже не встал, а от моих ударов немёртвые гопники разве что получали секундное оглушение. А мертвяки тем временем начали сжимать кольцо, пытаясь окружить меня и напасть уже со всех сторон. Тут бы моя история и закончилась, но мне на помощь влетело спасительное дерево. Точнее сказать, я налетел на него спиной, отбиваясь от неупокоенных. На дереве оказалась самодельная лестница, и она оказалась той самой соломинкой, за которую цепляется утопающий. Не представляю, как мне удалось забраться на первую ступеньку. Зомби хватили меня за ноги, но, в конце концов, я отпинался от них, оставив, правда, внизу свои ботинки. Я не знал, что меня ждёт наверху, но решил, что там всяко лучше, чем в объятиях мёртвой гопоты. К моему облегчению на дереве была плоская деревянная площадка, на которой я с наслаждением развалился, чтобы перевести дух. Внизу бесились не умеющие лазать по лестницам зомби, ругаясь на весь мир, кидая в меня семечками и крича, что они чьей-то «мамке череп сгрызали!». Меня они мало волновали. Сейчас гораздо важнее было узнать, куда же я всё-таки попал. Зачем нужна площадка на дереве посреди кладбища, да и дерево это никак не могло быть здесь изначально. В своих раздумьях я встал и начал мерить шагами пространство и не заметил, как на двадцатом шаге что-то тихо щёлкнуло у меня под пяткой, и я угодил в резко открывшийся люк.

Дальше был спуск. Узкая извилистая труба вела глубоко вниз, по пути делая внезапные виражи и закручиваясь покруче змеевика в самогонном аппарате. Честное слово, добавить воду, и выйдет стандартная горка в каком-нибудь элитном аквапарке. Наверное, так себя чувствуют хлебцы, когда я их съедаю, и они летят по пищеводу в желудок. Не хватало ещё в ловушку угодить. Однако, труба, судя по свободному моему скольжению, очень часто пользовалась, а значит, надеяться на ожидающие внизу заточенные и необработанные деревянные колья не было смысла. Но всё равно страшно. От Лимба всего можно ожидать...

* * *

Посадка была относительно мягкой, если можно назвать падение на полной скорости в стопку матрасов. В результате я вывихнул ногу, и мир в моих глазах стал очень весело так вращаться. Ну, ничего, бывало и хуже. Я подождал, когда сотрясение моего многострадального мозга успокоится, вправил ногу, проверил, не сломано и не вывихнуто ли ещё чего и пошёл осматриваться. Всё-таки хорошо, что у нас, у людей, в этом мире существует такая замечательная вещь, как регенерация. Не знаю, как так получается, но, скорее всего, это для того, что бы люди, попадающие сюда после смерти, намного дольше мучились. Но, как бы то ни было, она у нас настолько развита, что меня может проткнуть насквозь ржавой арматуриной в печёнку любой упырь, а потом (вытащив при этом железяку из тела) через пол часика я с улыбкой налью ему царской водки, может, ещё и на лимончик расщедрюсь...

Так, а теперь возвращаемся к нашим помидорам. На первый взгляд, я нашёл то, что искал. Я явно был на каком-то складе или бункере. От «места посадки» вёл длинный серый коридор. По бокам располагались, кажется, отсеки. Но интересней всего, что отсеки были пронумерованы. Двери, как назло, не открывались. Видимо, хозяева заблокировали их на всякий

случай. Так-так, может с дверью под номером девять повезёт? Я подошёл к нужной двери, и та (о, чудо!) послушно отодвинулась в сторону.

То, что я увидел, заставило моих мурашек пробежаться спринтом от копчика до затылка. Помещение было похоже на место для разделки мяса. Обширная квадратная комната была просто заставлена по стенам окровавленными деревянными столами, на которых лежали большие ножи, также я насчитал парочку приспособлений для забора крови. Вонь в комнате стояла такая, что, наверное, даже здешние мухи (величиной с небольшую собаку) не осмелились бы там находиться без противогоза. Хорошо то, что в этом мире я всяких разных запахов нанюхался настолько, что даже привык к такому амбрэ, и не чувствую какого-то отвращения. Не тошнило, и то хорошо.

Я вошёл в комнату и осмотрелся. Помещение было где-то пять на пять метров. В центре комнаты на каменном полу была вырезана классического вида пентаграмма, в которой были какие-то письмена. Судя по свежим следам на столах, здесь не так давно разделяли тушу. А вот и сама «туша». Ровно посередине пентаграммы расположилось нечто вроде жертвенного камня, на котором лежал человек, руки и ноги которого были раскинута в разные стороны и закреплены металлическими цепями, которые уходили прямо в пол. На его кистях, верхних частях ступней, подмышках и животе были небольшие многочисленные надрезы, из которых, капля за каплей, вытекала кровь. Вся пентаграмма уже была наполнена ей, и, судя по фиолетовому свечению рисунка, кровь поддерживала в комнате какой-то ритуал. Магия, не иначе. Сам узник был, почти богатырского телосложения, всё его тело было покрыто слоем запёкшейся крови. Живой, я точно это знаю! Иначе кровь бы не стекала из ран. Да и его живот мерно поднимался и опускался, показывая, что он дышит.

Я приподнял голову узника и всмотрелся в его отрешённое лицо. Где-то я уже видел этого человека, вот только где? Всё лицо и всё тело его было в крови, и опознать его никак не получалось. Я вытащил из кармана тряпочку для протирки барной стойки (и откуда она у меня взялась?) и попытался очистить лицо жертвы от засохшей красной корки, как вдруг он дёрнулся, взглянул на меня и хрипло произнёс:

– С... Серый? Что ты... Какого... Ты тут... Как?

– Андрюха?!

Имя мгновенно вылетело из ящика под названием «Дом» в анналах моей многострадальной головушки. Лучший друг ещё со школы, одни из самых добрых, отзывчивых и вежливых людей из всего моего окружения. Мы были, как любили говорить наши бабушки с дедушками, не разлей вода! Даже в одну военную часть были призваны и служили в одном взводе. Потом он захотел остаться служить по контракту, а я его рвения не разделил. Последний раз я его видел на железнодорожном вокзале. Он тогда должен был на следующий день отправиться куда-то в район Курильских островов, а я уезжал домой. После этого мы даже не связывались друг с другом. Ну а когда я оказался здесь, то уже не знал о его дальнейшей судьбе.

Я метнулся в дальний конец разделочной, нашёл в углу на гвозде большой ключ и принялся открывать замки на кандалах Андрюхи. Затем я вытащил из рук и ног Андрея все трубки и помог ему привстать.

Дыры от трубок постепенно затягивались, а к лицу Андрюхи постепенно возвращался здоровый цвет лица. А я чувствовал, что зверею. Я никому и никогда не позволял обижать моих родных и близких, поэтому если бы здесь оказались те, кто причастен к пыткам Андрея, я бы просто размозжил им головы ближайшим тяжёлым тупым предметом и повесил под потолок на их же кишках! Но их не было, священную месть мне исполнить было не суждено, поэтому я взвалил на плечи лучшего друга (весом с молодого кабанчика) и не спеша побрёл к выходу. К моему большому облегчению Андрей окончательно пришёл в себя, когда я почти дотащил его до выхода из разделочной.

– Успокойся, я уже могу идти, – сказал он, вставая, – Как ты здесь оказался?

– Думаю, что нам лучше поговорить об этом позже, сейчас надо убираться отсюда, – ответил я, не оборачиваясь.

Мы начали рыскать по бункеру в поисках выхода. Разумеется, мы начали с осмотра трубы, из которой я прилетел. Забраться по ней наверх не было возможно, ибо она была скользкой и даже без швов. Потом мы взялись за двери. Те, что мы не смогли открыть или взломать попросту выламывались нашими с Андреем общими усилиями. Комнаты, что нам открывались, имели разное значение. Были спальные помещения с узкими проходами и нарами по стенкам, всяческие лаборатории, где от запаха серы невозможно было дышать, а в склянках бурило вещество цвета детской неожиданности. В двух комнатах нам пришлось задержаться. В первой из них оказалась обширная оружейная, где я разобрал и почистил свой обрез и набил карманы патронами, а Андрюха принялся рыскать по многочисленным ящикам в поисках одежды, и через какое-то время он уже стоял в военной форме красной армии, на поясе висел здоровенный пистолет, а в руках он держал здоровенный пулемёт, который я тоже узнал. Это был МГ-42 с торчащей улиткой барабанного магазина сбоку. При этом на лице моего друга была видна смесь непонимания с детской радостью.

– Серый, я чего-то не догоняю! В этом складе свалено огромное количество оружия и снаряжения. И то, и другое очень устаревшее, чуть ли не времён Второй мировой, но всё оно находится в отличном состоянии! За ними явно кто-то ухаживал! Они что, к войне готовятся?

– А лысый их знает! Может и готовятся. Ты давай, заканчивай с досмотром этого склада, у нас ещё одна комната осталась!

Андрей кивнул, и мы пошли в последнюю комнату, которая оказалась продовольственным складом. У нас обоих уже давно урчало в животах, так что мы пропали для внешнего мира на пару-тройку (десяток) часов.

Боже мой, как же давно я не ел хорошего мяса! Обычно то, что подавали в нашем баре из мясной продукции, было либо домом для опарышей, либо ещё полчаса назад ходило, говорило, и пило мои коктейли. Так что когда я увидел банки консервов и пачки с вяленой говядиной, то обрадовался этому как трёхлетний мальчишка игрушечному пистолетику. Помимо мяса были маринованные овощи, сушёные фрукты и рыба; холодильная камера, забитая молочными продуктами и мои любимые хлебцы. Так вот откуда их берут...

Покончив с обжорством, мы снова начали искать выход. Сказать по правде, на сытый желудок это оказалось гораздо легче. Ну а пока искали, разговорились. Оказывается, Андрей успешно отслужил в морской пехоте по контракту около пяти (!) лет, вернулся на родину, пробовал (безуспешно) связаться со мной и, когда даже мои родители не смогли сказать, где я, решил сам взяться за поиски. Что он только не делал: плакаты, привлечение волонтёров, опрос всех, кто меня знал, он даже завёл связи в ФСБ. Когда после трёх лет (!) поиска моя светлость не соизволила найтись, он успокоился и устроился охранником на склад. Всё бы ничего, живи и укрощай воришек, но вот как раз воры и привели его к коллапсу. Сначала пропадали незначительные вещи. Действительно, кто отреагирует на пропажу пары ручек или пачки бумаги? Но вот когда в один день пропал целый стеллаж с жутко дорогими товарами, стоимость которых списали с зарплаты сторожа, Андрюха решил действовать. Он ходил по складу с фонариком и без, протягивал леску, чтобы воры об неё спотыкались, даже получил лицензию на ношение оружия. В одну ночь он всё-таки поймал двоих. Они были низкорослые, и Андрей принял их за малолетних хулиганов. Однако эти «хулиганы» быстренько его скрутили и вырубали, не успев горе-охранник вытащить пистолет. Очнулся он уже на том самом камне, где я его и нашёл. Когда к нему кто-то приходил, он не мог запомнить лица, начинались его экзекуции. Незвестный брал инструменты и делал надрезы для трубок. Потом из него медленно вытягивалась почти вся кровь, а когда раны заживали к нему снова приходили, забирали наполнившиеся бутылки и делали новые надрезы. И так всё время. Андрей сам удивлялся, как не сошёл с ума от всей этой прелести, а когда увидел мою физиономию просто, не поверил

глазам. Шутка ли, столько времени искать лучшего друга, а потом найти его в плену, причём в плену-то как раз был не спасаемый, а спаситель. Возможно, поэтому он и отключился...

За этим разговором мы не заметили, как нашли выход. Мы в очередной раз прошли мимо спусковой трубы и решили сделать привал. Тут-то я и заметил странного вида колонну. Изучив её, мы с Андреем нашли дверку, которая прятала за собой пожарную лестницу, ведущую наверх. Недолго думая, мы полезли навстречу свежему воздуху.

Оказалось, снаружи нас ждали гости. И как я, старожил Лимба, который шагу ступить не может, не подумав о безопасности своей филейной части, забыл про зомби? А они про меня не забыли. За время моего пребывания в бункере они подозревали, кажется, всех «братков» с погоста и теперь окружили дерево плотным кольцом. Некоторые даже пытались грызть дерево остатками челюстей.

– Твои друзья? – Спросил Андрей.

– Не совсем, мобильник хотели отжать, – ответил я с усмешкой, – у меня при себе только обрез был, так не понравился он им.

– столько лет прошло, а ты так и не научился шутить.

– Я работаю над этим.

– Угу, я вижу.

Андрей разместился поудобнее, взяв свой Машинган на изготовку. Старое оружие времён Второй Мировой взревело как раненный медведь Гризли. Первые шеренги кладбищенской гопоты попадали как костяшки домино. Остальные, матерясь и толкая друг друга, заковыляли к своим могилкам. Безжалостные пули прошивали дряблые тельца зомби, складывая их пополам вдоль или поперёк туловища. Настоящая бойня.

Когда последний мертвяк закопал в кладбищенской земле то, что от него осталось, Андрей, таки, успокоился и перестал жать на гашетку. Кладбище снова стало тихим и мирным клочком земли. По крайней мере, до следующей ночи.

Мы решили отметить нашу победу и снова завалились в продовольственный отсек. Я рассказал Андрюхе свою историю и долго-долго ждал, когда мой друг отойдёт от услышанного. Он-то наивно полагал, что его похитили и пытали некие террористы ради выкупа, но узнав, что он на самом деле попал в мир нечисти и нежити и только что стрелял по настоящим зомбям, он впал в ступор. Мне пришлось откачивать его кефиром. Помогло не сильно, но Андрей хотя бы начал отзываться на звуки. Пришлось пожертвовать палкой сырокопчёной колбасы, которая с успехом переломилась об его голову. Зато друг мой очнулся окончательно и, прикончив эту злосчастную колбасу, заявил, что непременно выберется отсюда в ближайшее время и меня с собой прихватит.

– Блин, Настасья меня убьёт... – обречённо проговорил мой друг.

– Что, та самая блондинка? – Удивившись, спросил я.

– В точку, – Андрей даже улыбнулся, – я искал тебя целых три года и за это время много чего произошло. Да, она меня отшивала туеву хучу раз. Но как-то раз написала и попросила о встрече... Короче, женат я теперь.

У меня от неожиданности аж кусок колбасы изо рта выпал. Настя – главная любовь Андрюхи с первого класса, девушка, которая на день Святого Валентина получала больше валентинок чем все остальные девочки во всей школе, дававшая отказ моему другу несчётное количество раз и не раз разбивавшее его сердце, и вот теперь жена Андрея. Воистину, женская натура непостижима...

– У нас скоро и первенец будет, – продолжал тем временем Андрюха.

– Ага, то есть ты искал меня не только по всей стране, но и между ножек своей любимой? – спросил я, выгнув бровь.

– Фу, Серый, это самая плохая твоя шутка!

– Перегнул?

- Перегнул.
- Прости...
- Забыли. Не со зла же сказал.

2

Не помню, когда уснул. Вроде только глаза прикрыл, придремал немного... чтобы через пять минут вскочить от рёва босса в своей каморке. Начинается... стоит мне уйти из бара на двенадцать (примерно) часов, то где бы я не засыпал, просыпался я в «Преисподней». Ещё в начале карьеры бармена меня предупредили, что я связан с этим местом. Меня привязал к бару мой хозяин и, покуда он (или я) жив, привязку не разорвать. Какой-то поводок для раба Лимба. С другой стороны можно исследовать территорию, не боясь потеряться, и на работу не опоздаешь.

В бар я влетел на второй крейсерской. Бэлла смотрела на меня с барной стойки взглядом, способным, как мне показалось, прожечь самую ткань Мироздания. Пришлось послать ей шуточный воздушный поцелуй и заняться розливом выпивки. Это, предсказуемо, подействовало. По покрасневшему личику официантки я понял, что шутка удалась. Всё-таки она такая милашка, когда смущается...

Вот компашка подвыпивших чертят, которая клянчит у своей пьяной в зюю мамаша «Хэппи мил». Опять, наверное, на выходных в США отдыхали. Там-то этого добра навалом. Мы как-то пробовали делать нечто подобное, но у нас, что странно, получалось лучше оригинала даже по человеческим меркам. Естественно, клиенты это не одобрили, зато я неделю питался вкусной и относительно безвредной для меня едой.

В дыру в окне заглянул леший, посмотрел на меня и скрылся. Вот странные деревяшки. Каждый день приходят, смотрят, а если их окликнуть, то сразу убегают. И хоть бы заказали что-нибудь, так нет же, стесняются.

Разжиревшая вампирша царственно подплыла к стойке и широким жестом заказала двойную «Кровавую Мери». Коктейль, известный в двух мирах, с той лишь разницей, что здесь используется кровь грешницы вместо томатного сока. Пока никто не видел, добавил в бокал несколько крупинок серебряного песка. Пускай похудеет, ей полезно. А то в бар зайти ей уже проблематично, хотя вход у нас совсем не маленький.

К барной стойке подошёл странный тип в поварском костюме и с размаху припечатал к барной стойке отрубленную женскую голову. Вот ведь привязался ко мне этот несчастный! Почти каждый день приходит и пытается расплатиться со мной за выпивку головами своих жертв. Причём этими самыми жертвами у него обычно оказывались женщины и, видимо, при жизни имели довольно смазливую мордашку. Может этот недалёкий маньяк убивает их из-за того, что у него самого под маской розового зайчика невесть что творится? Однако меня, да и Бэлле тоже, вся эта оплата отрубленными человеческими головами порядком надоела. У нас, вообще-то приличное (по меркам Лимба) заведение и принимать в качестве оплаты чьи-то головы мы не намерены. Однако мне это таки надоело и я, нацепив на своё лицо добродушную улыбку, убрал под стойку уже собирающую мух голову и налил в высокий стакан с трубочкой прохладной проточной воды.

- Ты кто хоть, сердешный? – спросил я, протягивая ему стакан.
- Алёшенька... – невнятно проговорил «зайчик» и начал яростно высасывать воду, тщательно скрывая ладошкой лицо под маской.
- Алёшенька значит... – не понимаю до сих пор, зачем я начал этот разговор, – ну так ответь мне, Алёшенька, какого немытого чёрта ты вечно приносишь нам головы? У тебя что, денег нет?
- Алёшенька...
- Да я уже понял, как тебя зовут. Ты на вопрос ответь.
- Алёшенька? Алёшенька...

- Ладно, а маску зачем нацепил?
- Алёшенька...

Вот же отрыжка Бездны! Похоже, этот чудик в маске зайца кроме слова «Алёшенька» ничего мне больше не скажет. Ну и чёрт лысый с ним! Мне за отрубленные головы не платят, и куда их девать я уже не знаю, ибо повариха уже ругается на забитый человеческими головами холодильник, а на фабрике по производству костяной посуды черепа уже не принимают. Да и вроде бы не похоже, что он недоволен обслуживанием, раз приходит так часто. Вода в Лимбе и так по цвету похожа на канализационный бурбон, только вместо букета из сточных трав в ней букет из кишечных заболеваний. Вот и сейчас Алёшенька поставил на стойку опустевший стакан, смачно рыгнул в маску и ушёл деревянной походкой размахивая в стороны окровавленным человеческим позвоночником, шугая тем самым посетителей. А я вдруг подумал, что очень не хотел бы встретить на улице такого вот маньяка Алёшеньку. Даже на улице Лимба. И, судя по тому, как на него смотрели другие посетители, не я один...

Самый хороший конец работы, когда кончаются клиенты. Бар опустел – не прошло и половины дня. Я уже решил, что смогу перевести дух, но тут на моё плечо легла ладошка очаровашки-суккуба.

– Давай рассказывай, – В глазах Бэллы читались любопытство и насмешка.

– Мне сказать нечего, – ответил я, сделав невинную мордочку, – ты и так знаешь, что я не могу работать и официантом. В отличие от тебя меня за задницу щипают далеко не в эротическом смысле.

– Да я не про это. Ты ходил на кладбище или нет?

– Ну, ходил, дальше что?

– И... как?

– Там выпивку лучше готовят, а мертвяки мне по жестянке скинулись.

– Плохая шутка.

– Я знаю.

– Тогда не увиливай! Я серьёзно спрашиваю, что узнать удалось?

Пришлось рассказать ей про мою вылазку. Бэлла очень удивилась, узнав про бункер, искренне посмеялась над зомби-гопниками, а на моменте с пленником призадумалась.

– Как давно твой друг в нашем мире? – спросила она внезапно.

– Не могу точно сказать, – призадумался я, – возможно пару месяцев.

– Тогда всё ясно. Ты помнишь, как сюда попал?

Ещё бы мне не помнить. Я тогда работал барменом-официантом в ресторане. В ту ночь я задержался на работе после закрытия, убирал последствия очередного корпоратива. Такси решил не брать, до дома было недалеко. На полпути подошли двое в форме ДПС. Спросили сигаретку. Я им отказал (сам не пью и не курю). Они вдруг обошли меня с флангов... а дальше я ничего не помню. Очнулся уже в Лимбе, голодный, с шишкой на макушке и без одежды.

Каждый похищенный человек, попадая в Лимб, проходит через аукцион. Со всего мира собирается богатая нечисть и раскупает беспомощных человечков для своих утех. Подопытные, экзотическая закуска, участники оргий, полный спектр адских наслаждений! Однако, все люди, попавшие на аукцион, не зависимо от того, что их заставят делать, кончают одинаково. Их съедают. Я сам давно уже готов, что в один прекрасный день попаду на тарелку к боссу, но прежде, чем меня съедят, я утащу с собой если не весь Лимб, то хотя бы половину.

Ради моей тушки началась тогда настоящая грызня. На меня претендовал лысеющий тощий вампир с крючковатым носом и повадками сутенёра и молодящаяся ведьма с явно неудовлетворёнными сексуальными и гастрономическими потребностями. Там даже драка между ними произошла. Эти двое так весело катались по полу, что никто и не заметил, как к ничего не понимающему мне подошла обворожительная девушка, схватила меня за руку и потащила к чёрному ходу, на пути читая заклинание на латыни. Этой девушкой была, конечно

же, Бэлла. Она-то привела меня к хозяину и заставила склонить колени в знак вечного послушания. Босс расскрестил мне руку когтем (!), выцедил несколько капель моей крови на демоническую цепь, обвил её вокруг моей шеи и, коротким ударом, отправил меня в забвение на неопределённый срок.

Вот так я и стал барменом из «Преисподней». Одежду мне выделила всё та же Бэлла, а также рассказала что мне нужно делать. Одежда, кстати сказать, тоже была зачарована, так как регенерировала вместе с моим телом и каждое утро самоочищалась. Удобная вещь, к слову сказать.

– По твоему взгляду поняла, что помнишь. – Бэлла, как всегда, выдернула меня из размышлений.

– Ну помню, и что с того?

– А то, что твой друг является чьей-то собственностью, а ты его освободил, что перечит закону мира демонов! Поправка 4 к статье №51 «о человеческих рабах и частной собственности» административного кодекса Лимба.

Тут я почувствовал, как моя нижняя челюсть летит на встречу с полом. Чтобы в Лимбе, мире, где обитают существа, творящие анархию, были законы?! Нет, в это я не поверю ни в жизнь.

– Не удивляйся так, – усмехнулась официантка, – конечно же, у нас есть свои законы. Если бы здесь их не было, то вокруг творилось бы полнейшее безумие. Вот, к примеру, почему нежить ходит по улицам только по ночам и не заходит в дома? Не знаешь? А потому, шашлык, что им, немертвым, запрещено заходить на территорию живых. Призраки не в счёт, им разрешено быть на улицах Лимба только тогда, когда они меньше всего опасны, то есть ночью.

Тут она была права. Нежить в большинстве имела лишь зачатки разума. Им всё равно, на кого нападать и что жрать, поэтому их и отгородили. А я и раньше замечал некую порядочность нечисти в баре, да и на улицах, когда ходил за патронами. Видимо правило «не гадить там, где живёшь» работает и в Лимбе. Что ж, похоже, здешние обитатели резко выросли в моих глазах. Интересно, какие ещё законы существуют в этом мире?..

– Не думаю, что тебе стоит снова туда идти, – продолжила тем временем Бэлла, поправив мне галстук, – если хозяин твоего друга узнает, кто освободил его человека, то будет ждать тебя. Он подвергнет вас обоих суровому наказанию и будет юридически прав. Тут уже не поможем ни я, ни твоя привязка к бару. Может этого... как его там... Андрея?.. Вот, может его и не сильно накажут, а вот ты точно пополнишь ряды зомби на кладбище. Обещай мне, что не пойдёшь сегодня туда!

– Не могу. – Ответил я, убирая её руки со своей шеи. – Он – мой друг и я не собираюсь его бросать. А если я наткнусь на его Хозяина, то освобожу Андрея вперёд себя досрочно!

– Дурак! – в сердцах прошептала официантка, – такой же, как и в первый рабочий день. Не делай глупостей, прошу тебя! Не будь как Семицкий! Я не хочу, чтобы ты повторил его судьбу!

Эту историю Бэлла мне постоянно рассказывала как сказку на ночь. До меня за барной стойкой «Преисподней» стоял некто Юрий Семицкий. Если верить Бэлле, человек он был совсем не в себе. Всё время шептал про какую-то Зону, молился на ночь маленькому светящемуся булыжнику, который вечно носил с собой и совершенно отказывался верить, что он находится в Аду. Посетителей бара он обзывал мутантами, кидался в них болтами, а Начальника всё время называл «контролёром» и пытался выбраться из какого-то излучения.

В какой-то момент он просто исчез. Это произошло за пару солнц до моего появления. Причём даже Хозяин не мог призвать его с помощью «поводка». Потом внезапно и заклинание рабства исчезло. Все решили, что Юрку Семицкого убили, ведь только смерть может разрушить «поводок». Даже кровавые останки его тушки находили. Однако всё больше и больше нечисти поговаривало о неприкаянном человеке, умирающем каждую ночь и появлявшегося

на том же месте своей смерти утром. Я не сильно верил в эти байки. Юра Семицкий действительно существовал, я видел его рабскую бирку в камере. Однако в то, что он умирает каждую ночь, а потом возрождается, совершенно не верится. Ну не может человек умереть несколько раз! Скорее всего, его убил очередной упырь, которому не понравился человек, кидающий в него ржавым болтом. Я не такой псих, как мой предшественник. Наверное...

– Я всё помню, Бэль, и буду максимально осторожен, – сказал я, наконец, в пустоту. К сожалению, самой Бэллы рядом со мной уже не оказалось. Пока я вспоминал о Семицком, она тихонечко сбежала. Ну и ладно! Ещё бы полчаса, и я бы передумал идти к убежищу, где сейчас находился мой лучший друг...

* * *

Кладбище встретило меня всё тем же покоем и тишиной. Никто даже не встал, когда я прошёл за ограду. Видимо, мертвяки ещё не скоро забудут знакомство с Андреем, и его немецким пулемётом и пять раз подумают, прежде чем восстать из недр земных без о-о-о-очень важной на то причины.

Мой лучший друг обнаружился на площадке на дереве. Он ходил туда-сюда с большим одноручным мачете, чем напомнил давешнего посетителя бара в хоккейной маске. Одевание солдата Красной армии он заменил на лёгкий советский маскхалат. Знакомый мне пулемёт был прилажен на сошки к краю платформы около лестницы, чтобы вести подавляющий огонь и не дать противнику забраться.

Когда Андрей меня увидел, он отбросил железяку и, издав рёв возбуждённого бычка-трёхлетки, сжал меня в медвежьих объятьях. Когда с ломанием моих рёбер было покончено, он потребовал полного отчёта. По его словам, когда я прикорнул на кучке шкурок от сосисок, надо мной появилась демоническая воронка и засосала меня в себя, Андрей даже удивиться не успел. Естественно, Андрюха встревожился. Он боялся, что его тоже засосёт в странную воронку, поэтому взял из разделочной мачете (ей сподручнее отмахиваться от всяких воронок) и приладил пулемёт на платформу, думая, что придут его похищать. Он с того момента не спал, и вышагивал по платформе караулом, пугая своей не выпавшейся рожей и так подавленную психику зомби. Не знаю как, но мертвяки чувствовали, что Андрюха настороже, поэтому-то и не показывались.

– Короче, когда ко мне пришли, я был во всеоружии, – сказал он, выпятив от гордости за себя грудь.

– Ну, ты действительно подготовился как надо... стоп, в смысле к тебе пришли?

Андрей загадочно улыбнулся и поманил меня вниз.

В этот раз я решил спуститься по лестнице. В бункере мой друг повёл меня в разделочную. Там в середине комнаты висели два беса. Оба два были бережно завернуты с ног до головы какими-то тряпками и только большие уши, рожки и хвосты, за которые они были подвешены, намекали на их демоническую сущность. Бесы были явно побиты, иначе Андрей не выглядел бы таким счастливым. Он даже повесил их в неудобных для них позах. Вроде бы садизм, но нет же, возмездие за причинённые мучения!

– Ну и, не мог быть с ними повежливей? – спросил я со вздохом.

– Я был предельно вежлив. Прежде чем бить им в грызло, я поздоровался, – сказал он с очень серьёзной миной.

– Тогда ладно, им и этого достаточно. Уже допрашивал?

– Не, они только сейчас в себя пришли. Сначала я их подготовлю, а потом ты задашь вопросы тому, что от них останется.

Андрюха с плотоядной улыбкой зашёл в комнату и запер за собой дверь. Мне же оставалось только ждать. Звуков из комнаты я не слышал, так как прочная стальная дверь не пропускала ни малейшего шума. Так что, когда Андрей вышел, я просто извёлся от любопытства.

– Голяк, ничего они мне не сказали, – сказал он, хотя по интонации я понял, что не так уж сильно он и расстроился. Лишь мечтательная улыбка на лице бывшего узника говорила, что он там занимался далеко не расспросами. Он так и ушёл, улыбаясь, и напевая старый добрый мотив:

*Кровожадно вопия
Высунули жалы,
И кровиночка моя
Полилась в бокалы!*

Мне пришлось оторвать свои окорока от пола и пойти посмотреть, что осталось от горекровопускателей.

Оба беса были сильно побиты. После «допроса» они лежали в уголке не в силах шелохнуться и тихо поскуливали, и теперь их можно было рассмотреть. Маленького роста, козлоногие, с пяточками вместо носов, большими ушами и с небольшими рожками, еле-еле выглядывающими из-за причёсок а-ля сумасшедший учёный. Я на всякий случай связал им вместе руки и ноги и попытался растормошить хотя бы одного из них.

Как я и думал, привести их в чувство оказалось сложно. Андрей хорошо постарался, и оба беса были в глубоком нокдауне. Пришлось нагреть железное клеймо, которое волшебным образом оказалось в разделочной и прижечь им пушистые зады. Только так они начали показывать признаки жизни и я получил такую порцию мата и ора, что невольно отступил к стене.

Разговор у нас не клеился. Один беззубым ртом шамкал что-то типа «хрен мусорам, свободу пацанам!», второй пытался открыть заплывшие в синяках глаза и требовал адвоката. На мои угрозы позвать Андрея бесы только рассмеялись. Видимо им не привыкать быть битыми, а по части информации они немые, как партизаны. А может они просто мазохисты. Не могу это с точностью сказать. Ладно, мы тоже не лыком шиты и умеем развязывать языки...

Я спешно нашёл лабораторию. Вонючая жижа там уже не стояла, и атмосфера стала вполне приемлемой. Ничто не мешало мне покопаться в ящике с ингредиентами и другими химическими штучками. Потом я смешал в объёмной колбе пару кислот, добавил немного чистого спирта, усилил градус алкоголя толчёными человеческими ногтями и капнул пару капель своей крови для вкуса. Чудо коктейль «Длинный язык» был готов. Оставалось только зарядить им два шприца, и можно было допрашивать хоть каменного голема.

За всю мою бытность барменом в «Преисподней» я много чему научился. В том числе и управлять пьяной вдрызг нечистью. Путём проб и ошибок я догадался, что смешивая коктейль из определённых ингредиентов, можно вызвать у посетителей различное поведение. Примечательно, что любая нечисть сразу же пьянеет от одного такого коктейля. Так один упырёныш думал, что он обезьяна и кидался во всех своих... кхм... экскрементами, всего лишь глотнув варево, которое я потом назвал «Кинг Конг». Тогда мне здорово влетело от Бэллы, а хозяин запретил экспериментировать в баре. От «Длинного Языка» любой мог сказать мне то, что я хочу в мельчайших подробностях. Правда, также у моих творений был побочный эффект. Когда несчастный трезвел, у него было жесточайшее похмелье со всеми вытекающими последствиями.

Как я вводил коктейль бесам – отдельная история. Хорошо, что я их связал, хотя они всё равно упрыгивали от меня по всей разделочной. Я даже и не знал, что нечисть НАСТОЛЬКО боится уколов. Мне даже пришлось снимать одного беса с потолка, так как от шприца в пятую точку он подлетел и зацепился зубами за обрывок верёвки. Но зато потом их глазёнки медленно, но верно затуманились хмельным духом, и они рассказали мне всё. В буквальном смысле всё. С рождения и до сего момента. Причём говорили они заплетающимися языками, перебивая друг друга и, время от времени глупо хихикая. Из всего этого трёпа я понял только то, что они заключили договор с неким Тёмным боссом, и что он послал их на разведку в этот бункер. Но когда они нашли вход и спустились вниз, на них напало огромное, полуобнажённое,

волосатое существо, и с фразой «Добрый вечер!» выбило их из сознания на неопределённое время. Дальше слушать их было бесполезно, ибо нужная мне информация кончилась, а диалог с пьянющими бесами рисковал скатиться до состояния «Ты меня уважаешь?». Поэтому я влил им в глотки остатки коктейля и, подождав когда оба беса окончательно окосеют и отрубятся, вышел из разделочной, предварительно заперев дверь.

Я нашёл друга в продуктивном отсеке. Он сидел на большом ящике и за обе щёки уплетал шоколад. Андрюха был просто приманьяченным сладкоежкой. Как бы ему не было плохо или хорошо, где бы он не находился, от доброй плитки шоколада он никогда не откажется. Он также успокаивал его почище валерьянки. Так что когда я рассказал ему результат моих трудов, он начал поглощать сладость с удвоенной силой.

– Ну вот и зачем, спрашивается, меня сюда притащили? – спросил он, выбрасывая очередную обёртку от шоколада.

– Это очевидно, – ответил я, беря и себе плитку, – ты здесь ради крови. Говоришь, тебе делали надрезы? Так вот из них они и сливали из тебя кровь на продажу.

– Что?!

– А чего ты так удивился? Человеческая кровь в Лимбе что-то типа легального наркотика. И продают этот наркотик за бешеные деньги. Причём используется кровь определённой группы. Её добавляют в коктейли, вводят в вены, пьют просто так, выпаривают и вдыхают, а также добавляют во все эликсиры, настойки и зелья в Лимбе. Вот и получается, что тебя, дружок, взяли сюда в качестве ходячего бурдюка с кровью, чтобы выкачивать драгоценный нектар и загонять за хорошие деньги.

Вначале Андрей пялился на меня, как на сумасшедшего. Потом ущипнул себя в четырёх местах. Снова посмотрел на меня. Немного походил по отсеку. Потом снова сел на ящик, вооружившись новой порцией шоколада.

– Честно я тебе скажу, Серёга, если бы не зомби, если бы не весь этот склад и пьяные в дурнину бесы, если бы ты меня не спас от участи быть вечным донором дури для нечисти, я бы ни-за-что не поверил в этот бред. Думал бы до сих пор, что меня похитили террористы и мучают каждый день во имя своей странной веры. Но если ты и вправду не врёшь, то я действительно в полной жо... Поэтому, больше как на тебя, мне надеяться не на кого. Только ты сможешь вытащить нас отсюда.

В его словах был смысл. Весь этот пафос смутил тот факт, что привязку к месту может снять только хозяин. Также «поводок» исчезает со смертью того, кто на тебя его и надел. Так что для того, чтобы освободить Андрея, надо найти стоящего за его похищением. Бэлла ошиблась, и вместо Хозяина я нашёл лишь подручных какого-то Тёмного босса. Кстати говоря, может с ним встретиться? Возможно, он знает что-то, чего не знаем мы, раз послал своих шестёрок.

Я быстро начеркал записку на шоколадной обёртке. В ней я обращался к Тёмному боссу с предложением встретиться. Затем я вернулся к бесам. Те возлежали в блаженном пьяном сне, пуская пузыри из носов, похрапывая и обильно пуская газы. Я подошёл к самому непобитому и засунул записку ему за пояс. Потом нашёл спальный отсек, чтобы немного вздремнуть. День был очень насыщенным. Маленьким барменчикам нужно отдохнуть, ведь с утра на работу...

На этот раз меня разбудила Бэлла. Точнее сказать, её поднос. Так, она явно не в духе, значит надо поскорее начинать работать. Если Бэлла злится, то в баре начинается апокалипсис со всеми вытекающими последствиями. Она один раз в гневе половину здания снесла только потому, что кто-то нехорошо отозвался о её новой причёске. Женщины...

Клиентов было на удивление много. Были забиты все столики и даже за стойкой сидели посетители. По их переговорам я понял, что сегодня у всей нечисти выходной по поводу какой-то великой даты. Ну да у них вечно семь пятниц на неделе и праздники каждый день.

Когда в баре находилось много посетителей, сплетни между ними лились нескончаемой рекой. Причём иногда я даже мог невольно подслушать что твориться в мире людей.

– Слышь, а чё за кино такое было?

– Да это ваше полная жесьть! Прикинь, человек, весь такой на понтах, в деньгах купается, бьёт и насилует свою бабу, а той всё это нравится до поросычьего визга. Блин, вот я всегда знал, что у этих людишек странные наклонности. Я, например, свою деру только за дело и ей это не нравится, а там бьют бабу без повода, а она от этого кайф ловит.

– М-да... А ты же со своей ходил? Как ей вообще?

– Да чё она? Уже рада, что я её из дома вывел на прогулку. Она теперь совсем послушная стала. Даже цепь не дёргает. Только вот до сих пор её не отучил «знакомиться» с другими бабами. Не, ей-то это нормально, а человеки пугаются, зады руками закрывают, юбки одёргивают...

И такая дребедень целый день. Какие только новости не услышишь в баре, а ведь даже не все они правдивы. Хотя у меня даже некоторые информаторы по части сплетен появились из числа постоянных посетителей. Да и вообще, любой забулдыга Лимба за «рюмашку в подарок» выложит тебе всю правду-матку, да ещё с комментариями и личным мнением. Мне это было только на руку и я мог узнать обо всём, что случилось в мире демонов не только в Лимбе, но и других Кругах

Также из разговоров я услышал про дородную вампиршу-аристократку, которая чем-то отравилась и провела ночь с белым фаянсовым другом в обнимку. Рассказывали, что она похудела сразу аж на сто пятьдесят килограмм. Теперь несчастная ходит по улицам Лимба и наступает на свои же обвислые щёки. От этих слов я мысленно улыбнулся. Я же говорил, что от серебряного песка она похудеет...

В тот день я работал как вьючный ослик под энергетиком. Весь запас пива «Старый чёрт» ушёл на тех, кто сидел передо мной за стойкой. Жалко, отличное пиво было. Даже для меня.

Один вампир заказал коктейль «Тысяча и один китаец». Я же в свою очередь узнал в нём того самого кровососа, который недоплатил мне тогда за трапезу. Пока его отвлекала Бэлла, я подмешал ему в бокал чесночный экстракт. После такого коктейля этот неплательщик станет отменным прахом, который мы пустим на приправы.

Дальше мне пришлось взять мозги, встряхнуть их хорошенько, выжать из них все соки и подать с заплесневелой оливкой красавцу-упырю, который плотоядно облизывался на официантку, чем заслужил её фирменный взгляд, от которого у мужчин начинает просыпаться желание, совмещённое с ужасом. Бедняга выпил сок залпом и вылетел через многострадальную дыру в стене. И когда её уже заделают?

Под вечер я был совсем без сил. Хвала скотчу, последний посетитель ушёл (на бровях, в буквальном смысле) восвосяи и можно было вздохнуть с облегчением. Сегодня мне не хотелось никуда идти, поэтому я облокотился на барную стойку и просто уставился в одну точку, особо ни о чём не думая.

Немного пробежался взглядом по внутренней отделке бара. Странно, но у босса какая-то мания на вестерн. Бар внутри напоминает типичный салун, разве что только пианино не хватает, но вместо неё тут граммофон стоит. Маленькие столики раскиданы по всему залу как попало, под каждым столиком по четыре табуретки. Окон нет, всё освещение – люстра на потолке и небольшие светильники, раскиданные по стенкам. Три из четырёх стен из красного кирпича, четвёртая же деревянная с зияющей в ней дырой. Через дыру идёт относительно свежий воздух и можно разглядеть центральный тракт и соседние лавочки. Я, наверное, очень долго созерцал в пустоту, потому что Бэлла снова подкралась ко мне неожиданно, словно из моей собственной тени.

– О чём задумался? – спросила она, положив поднос на стойку и заглянув мне в глаза.

– Да вот думаю, может в морг позвонить, свежее рагу заказать, – ответил я, уставившись на новый выход из «Преисподней»

– Ладно, в этот раз я почти засмеялась.

Мы смотрели на дыру и думали каждый о своём.

– Слушай, – она внезапно повернулась ко мне, – а как вы вообще живёте у себя? Какая там погода, живность?

– Яркое голубое небо, солнце, зелень повсюду, мясо без опарышей и мух, – перечислял я, – из знакомого тебе там, разве что, комары. Только у нас они с ноготок мизинца, а здесь этих двухметровых кровососущих птеродактилей загасишь разве что из огнёмёта, и то не всегда.

Звонкий смех Бэллы прокатился по пустующему бару и отдался у меня мурашками от копчика до черепушки. Не люблю, когда она смеётся. Страшно.

Когда я отошёл от шока, то продолжил рассказывать суккубу о нашем мире. Живопись, поэзия, людской быт, она впитывала всю информацию как губка. Бэлла была очень удивлена, когда услышала про современные машины и механизмы, немного разозлилась, узнав, что сейчас современный люд уже не так боится их, нечистых, как раньше, и даже поспорила со мной о некоторых религиозных движениях. В частности, она объяснила, что «Люди всё таки не так глупы, чтобы поклоняться какой-то летающей вермишели, а Ктулху она знает лично и он всего лишь начальник местного аквапарка».

Потом я как-то невольно начал рассказывать и о своей жизни тоже. Как музыкой занимался, на концертах выступал, в армии как служил. Не знаю почему, но Бэлла обо мне слушала даже с большим вниманием, чем о других реалиях моего мира.

– Сергей, зачем тебе это всё? – спросила она вдруг, взяв меня за руку, – Ты действительно хочешь вернуться в тот жестокий мир, где ты будешь никем? Неужели тебе не нравится быть здесь, на любимой работе... со мной?

– Бэль...

– Подожди ещё немного. Я поднакоплю денег и выкуплю тебя. Ты будешь жить со мной в тепле и уюте. Тебе никто не будет страшен. Ты сможешь ходить где угодно и лишь ночью ты будешь только моим. Я даже не буду выкачивать тебя полностью. Со мной ты забудешь свой мир, утонув в океане ласки, бессмысленных желаний и бесконечного наслаждения. Ну, что скажешь?

– У тебя руки теплеют...

Бэлла убрала свои руки. Потом она резко вскочила и умчалась наружу. Потеплевшие руки говорили, что суккубья сила начала действовать. Ей нельзя было здесь находиться, вот она и убежала. Однако на секунду мне показалось, что в её глазах мелькнула влага. Похоже, я никогда не пойму женскую натуру...

Я сидел на стуле и пытался привести свои мысли в порядок. Я давно знал, что не безразличен Бэлле. Она замечательная девушка, но человек рядом с суккубом может быть в безопасности только до наступления ночи.

Дальше меня бы, скорее всего, ждала участь стать очаровательной мумией. У Бэллы таких любовников целый шкаф, я сам его видел, когда помогал ей с переездом. Становиться частью такой вот «коллекции» мне не хотелось, но расстраивать единственное существо, протянувшее мне руку помощи, не хотелось ещё больше.

Спать я сегодня пошёл в свою каморку. Странно, но за весь день я ни разу не вспомнил об Андрее и бесах, которые остались на кладбище. Хотя последние уже, наверное, удачно добрались до своего нанимателя и передали мою записку. Андрюха сам не пропадёт. Судя по тому, как он встретил бесов, я ломаной жестянки не дам за жизнь и здоровье непрошенных гостей в его новую обитель. Уже засыпая, вспомнил диалог с Бэллой. Всё-таки приятно, когда ты нравишься такой девушке, как она. Пусть она и способна тебя уничтожить...

«Ты действительно хочешь вернуться в тот жестокий мир, где ты будешь никем?». Эти слова Бэллы также всколыхнули мой мозг на раздумья. Если подумать, то жизнь у меня раньше была... простая что ли... Я просто жил. Без цели, без планов на будущее, просто как статист в фильме. Да, я занимался музыкой, но мне чего-то не хватало, чтобы хобби переросло в призвание. В любви мне тоже не везло. Единственная девушка, которая подавала мне хоть какие-то знаки внимания, уехала с концами за границу и постепенно перестала со мной хоть как то контактировать. И в бар я устроился просто, чтобы прокормить себя и жить отдельно от родителей. Хороший оклад, регулярные чаевые и отличная репутация того заведения, где я работал, позволяла мне жить на отдельной квартире и банально зарабатывать на поесть. Мне работа с напитками нравилась, но даже в ней я не видел своего призвания. Кто-нибудь точно скажет, что, дескать «я даже не пытался сделать свою жизнь осмысленной», и я не буду с ним спорить. Однако, думать об этом у меня не было желания. Когда я оказался в Лимбе, моей единственной целью стало выжить. Просто выжить в этом треклятом и жестоком мире, куда я попал не по своей воле. Но я, наверное, кое в чём даже благодарен своим положением. В моей жизни наконец-то появился хоть какой-то смысл. Смысл жить, не смотря ни на что и, со временем, спасти себя и Андрея. А может и ещё кого-нибудь спасу, ведь неизвестно доподлинно, сколько ещё таких же, как он или я есть в Лимбе. Вполне вероятно, что есть ещё люди, которые также борются за свою жизнь под гнётом нечисти. Я даже представил себя на ржавом броневике, выкрикивающего фразы типа «рабы всех сословий– объединяйтесь!». Интересно, а получится ли здесь, в первом Круге, создать свою маленькую революцию? И, улыбнувшись той картинке, что нарисовало моё больное воображение, я закрыл глаза и уснул.

3

Статья 5 пункт I закона «о причинении вреда здоровью и убийстве обитателей Лимба». Один житель Лимба не может причинять вред жизни и здоровью другого обитателя Лимба, за исключением случаев, прописанных в пункте с III по VI статье 24 «правила самообороны обитателей Лимба».

Под аккомпанемент таких вот статей из свода законов Лимба, что на следующий день принесла мне Бэлла, я и провёл следующие две недели. В остальном они проходили в однообразной, и какой-то даже унылой рутине. Нечисть, а так же нежить приходила и уходила, бокалы и рюмки наполнялись и тут же опустошались. Никто не буянил, никто не пытался меня съесть, даже в половичок никто не напивался. Только один день выбивался из общей неспешной рабочей колеи. Всё началось с того, что посетителей в среду было на удивление мало, особенно под вечер, когда единственная не особо шумная компания нечисти, праздновала очень уж удачный поход в мир людей. Отпраздновали они на удивление спокойно, если не считать того, что разговаривали и смеялись они громко, но в остальном, ни одного трупа, ни одного большого пятна на столе. Да что там говорить, даже не одного разбитого бокала не было – нонсенс для обитателей Лимба. Хотя и в нашем мире такое встречается не редко, уж поверьте мне, как бармену. Но, когда Бэлла стала прибираться, она, с интересом уставилась на то, что осталось на одном из стульев. Она подняла эту вещь, и подошла с ней ко мне.

– Серёж, смотри, что один из посетителей оставил! – и она дала эту вещь в руку. Это оказалась потёртая хоккейная маска. В прошлом, скорее всего, белая, а сейчас грязно серая, с тремя красными треугольниками, два из которых были на щёках, а ещё один был нарисован между вырезами для глаз, где на человеческом лице должна быть переносица. В общем, вполне обычная хоккейная маска, если не считать того, что её, похоже, никогда и не мыли, и на нижней правой части было несколько смазанных капель крови.

– Обычная хоккейная маска из моего мира, – ответил я Бэлле, которая вопросительно на меня смотрела, но, когда я увидел, что она ещё более непонимающе посмотрела на меня при слове «хоккейная», мне пришлось объяснять, – ну, хоккей, для нас, людей – очень популярный зимний вид спорта. У нас, на Терре, есть такое время года, как зима. Зимой у нас

холодно, температура часто опускается ниже нуля градусов и вода в водоёмах превращается в лёд. Да, тот самый лёд, что у нас в холодильнике. Да, вода у нас превращается в лёд вполне естественно, без магии, в отличие от нашего холодильника. Так вот. Группа молодых парней, экипированные для игры, разделяется на две команды так, что остаются ещё запасные игроки у каждой из команд. Во что экипированы? Да они чем-то похожи на рыцарей, если не учитывать, что их броня сделана не из металла, а из пластика, обитого с внутренней стороны мягким материалом, а вместо мечей у них клюшки. Они формой немного напоминают человеческую ногу, только сделана она из дерева, и сами они плоские и очень тонкие, так что для опоры они годятся слабо. И что они делают? Пытаются отобрать снаряд, то есть шайбу, у команды соперника. Шайба – это...хм, так просто не объяснить... Вот, точно! Вспомни, как мы хотели начать печь печенье для детей, но у нас тогда ничего не получилось! Да, вот шайба такая же по форме, но в диаметре сантиметров восемь. По твёрдости и весу точь-в-точь. Руками ловить нельзя, только клюшкой нужно бить по шайбе и дотолкать её в ворота противника, причём игроки другой команды тебе мешают. Как-то так! – и я развёл руками, давая понять, что ещё легче объяснить не смогу.

– Хм, вот оно как. – Задумчиво произнесла опирающаяся локоточками о барную стойку Бэлла, – не знала, что у вас такой спорт есть. У нас-то в основном бои гладиаторские проводятся для рабов. Я вот что придумала! Я завтра возьму на нас двоих выходной, и мы ходим в одно место, отдать эту маску в надёжные руки. Она как раз выглядит так, как будто её совсем не для спорта использовали.

– Да, мне тоже так показалось! – я утвердительно кивнул. – Слишком грязная, да и в крови... Погоди, что!? Выходной? А разве так можно? Мне никто за три года работы здесь, не про какой выходной ничего не говорил!

На эту мою бурю негодования Бэлла лишь пожала плечами, мол, а ты и не спрашивал.

– Вот что. – С решимостью в голосе произнесла суккуб. – Я пойду к начальнику, ты возьми пока тех посетителей, что придут в моё отсутствие. Всё понял? – тут она указала на меня своим наманикюренным пальчиком.

После моего утвердительного кивка она направилась вверх. Как это ни странно, но посетителей было очень мало, и аврала из-за отсутствия симпатичной официантки не произошло. Мне настолько наскучило ждать, что я и не заметил, как просто вырубился, сидев на высоком стуле, что стоял рядом со мной, и положив голову на руки. Вышла Бэлла только через три часа и, судя по тому, что волосы у неё были взъерошены, а выражение её лица было одновременно немного уставшим и жутко довольным, процесс уговоров был довольно... хм... жарким. Но, как бы то ни было, суккуб всё-таки смогла выпросить мне отгул на завтрашний день, и мы договорились встретиться у входа в бар в полдень. Где-то ещё через полчаса подсчёта бокалов и протирания барной стойки до состояния зеркальной чистоты (а стойка-то была деревянная, ага), народ всё-таки попёр, да так попёр, что последние часы перед закрытием пролетели достаточно быстро. Когда зашёл в свой закуток, я был, не то что бы совсем без сил. Не так сильно устал, чем обычно, так что занялся чисткой своего верного обреза. Люблю я это занятие, очень расслабляет. Кто-то релаксирует, смотря на рыбок в аквариуме, или поглаживая кота, устроившегося у того на коленях, а я вот так. Привык уже, и к местным условиям жизни, и к тому, что съесть пытаются чуть ли не каждый день. Нет, я, конечно, хочу вернуться, но уже не считаю этот мир чужим. Вот уж, прав был кто-то из великих, что человек может многое перенести, и даже в полной заднице найти нечто хорошее. И я, кажется, нашёл. Я здесь не один. У меня есть друзья, нуждающиеся во мне. У меня есть мой друг Андрей, которому тоже нужно помочь выбраться отсюда. Есть Бэлла, взбалмошный суккуб, имеющая на меня очень двусмысленные планы, но, тем не менее, не раз и не два мне помогала и вполне себе искренне, и не относится ко мне просто как куску отбивной. Ну, и я, в конце концов, просто выжил здесь, в этом четырежды проклятом мире, и в любом случае, умирать совсем не собираюсь...

На следующий день, я стоял при полном параде, и ждал Бэллу, которая опаздывала уже на целых пятнадцать минут! Не то, что бы её опоздание сильно меня тревожило или бесило, но просто люблю пунктуальность. И вот, когда я уже собирался, было идти в бар, как вдруг увидел её. Стоит признать, Бэлла была обворожительна, мне даже перехотелось её ругать за опоздание. Высокие кожаные сапожки на тонком каблуке, чёрные лосины и чёрный с белыми шёлковыми ляпочками корсет. Волосы цвета вороного крыла ниспадали пышными кудрями на фарфорово-белые плечики. Дополнял этот образ медальон в виде пентаграммы, висевший у неё на шее, на тонкой цепочке. Вообще, она мне напоминала героиню какой-то фэнтезийной книжки, которую я читал ещё на той стороне. На Земле я читал довольно много, даже предпочитал книги кинематографу, потому что никакая компьютерная графика не сравнится по глубине картинки и погружению в происходящие там события, как человеческое изображение. Правда, когда я попал сюда, мне было не до книг, был занят вопросом выживания в этом чокнутом мире. Ну и все те истории благополучно забылись, всплывая лишь небольшими флэш-бэками, такими, как вот сейчас. Только вспомнить, как же ту героиню звали...

– Серёж, прости, что заставила ждать. Не могла никак найти абонемент на посещение музея... Серёж? Ты чего так на меня смотришь, как будто я корсет свой задом наперёд надела?

– А, нет, прости Бэль, я просто вспомнил кое-что... из прошлой жизни.

– Вот как? И что же ты такого вспомнил? – Спросила меня Бэлла, сложив руки на груди.

– Ничего, проехали. – Отгородился я от неё руками в защитном жесте – Тебе очень идёт, кстати.

– Тебе и следовало начать с этого, отбивная. – Покачала она головой. – Ну что, будем так и дальше стоять, или всё-таки пойдём?

И после такого вот обмена любезностями мы отправились на юг по центральной улице. Мимо проплывали высокие дома и вот, через минут пятнадцать неспешного брожения и поворота на право благодаря здешней магии пространства мы оказались около самой настоящей...кхм... Да, чуть ли не церкви, скорее даже собора. Изготовленный из чёрного камня, с остроконечными вершинами, на которых красовались чёрные звёзды пентаграмм. И такая же пятиконечная пентаграмма была изображена на стеклянной мозаике в гигантском витражном окне. Под этим окном, на выступе, сидели статуи существ, очень уж похожих на горгулий: человеческие, очень мускулистые тела с мощными конечностями, скрюченные сидящие позы и склонённые человеческие головы... Острый подбородок, огромные глаза на выкате, длинный и тонкий крючковатый нос и огромный лоб. И, между этим двумя скульптурами была надпись: "Дом человеческого страха" а ещё ниже были большие двустворчатые двери, на которых была доска для письма.

"Дамы и Господа! Леди и Джентльмены! Демоны и Демонессы! Приглашаю всех вас в свою обитель! Здесь вас ждёт увлекательное путешествие в мир человеческого ужаса! Ископаемые остатки древних и не очень существ, и восковые фигуры ждут вас!" – гласила надпись на доске. Внизу более мелким почерком была приписка: «Постскриптум первый. Оповещайте о желании прийти заранее! Постскриптум второй. Запрещается курить, бить, грызть и как то вредить экспонатам. Увижу-пристрелю». Завершала всё улыбающаяся рожица, нарисованная, судя по всему, кровью.

– Очаровательно. Моя школа. – произнёс я, кивая в сторону предупреждения.

– Ага. – Кивнула Бэлла – Это место раньше было местом казни.

– Казни? А кого казнили то?

– Здешних казнили... Было у нас одно время, давно. Когда у вас на Терре было время Инквизиции, у нас тоже было всё не очень хорошо. Раньше, ещё давно, мы и вы жили... кхм... ну не то что бы в мире, но не убивали друг друга, даже помогали иногда. Время от времени. Но всё изменилось с усилением влияния вашей церкви. Она захотела абсолютной власти. И над вами, и над нами. Но для нас это означало то, что мы бы добровольно стали бы рабами

людей. Ну и мы естественно этого не захотели. И началась война. Война эта длилась несколько столетий, и последствия её можно увидеть до сих пор. У вас, в некоторых странах до сих пор очень мало красивых женщин. В курсе, почему?

– Да. Насколько я помню, у нас была «Охота на ведьм», когда каждую красивую девушку обличали в колдовстве и сжигали на кострах.

– Именно. Вот и у нас было, примерно, то же самое. Некоторые демоны и нелюди всё ещё помнили о нашей с вами дружбе и не хотели воевать с вами. Некоторые даже вставали на сторону людей. И что бы это пресечь, таких начали отлавливать и казнить. Они сначала строили этот самый собор, а затем, когда стройка была закончена, их сжигали, привязывая к кресту. Не такому, как у вас конечно. У нас ритуальный крест был воткнут в землю двумя концами. Ну и осадочек остался. Даже теперь, спустя столько времени, мы до сих пор к людям в основном относимся или как к рабам, или как к еде. Правда, сейчас за хорошее отношение к людям уже не казнят, а здание так и осталось мрачным напоминанием о былых временах. В наши дни выкупил один демон, но он погиб при очень загадочных обстоятельствах, а затем его владельцем стал один из его рабов. Ну и именно он и открыл здесь музей, посчитав, что это будет интересно. Так собственно и оказалось, и это место пользуется популярностью.

– А его не пытались за самоуправство это... того... в стейк превратить?

– Пытались конечно. Были недовольные из местных, кто твердил, что человечек слишком высоко забрался и живёт себе припеваючи. Но, как бы это ни было странно, он получил поддержку одного из высших демонов. Не знаю кого, но его тело окружает что-то вроде поля, который защищает его и от пуль, и от острого отравленного железа, да и у него ещё есть то ли домработница, то ли просто помощница, которую тоже совсем не стоит недооценивать.

Я на это кивнул и мы постучали. Отошли от двери, которая стала постепенно открываться, и на встречу к нам вышел человек. Среднего роста, лет 35, с прямыми чертами лица, чёрными волосами, торчащими «ёжиком», а ещё были небольшие щегольские усы. Одет он был в чёрные брюки и тёмную рубашку. Был он, кстати говоря, вооружён. Два револьвера висели на его поясе в ковбойском стиле. Класс.

– Какая встреча! Бэлла, Давненько вы ко мне не заходили! Сегодня вы не одна! – тут он посмотрел на меня, – позвольте представиться, меня зовут Кожевников Михаил Тимофеевич, я являюсь директором, скульптором, реконструктором, экскурсоводом, уборщиком и казначеем этого прекрасного музея!

– Сергей. – Коротко представился я, тем не менее пожав его, на удивление сильную руку, а затем добавил. – Я вместе с Бэллой работаю. В баре.

– Хм. Уж не вы ли та самая "Опасная отбивная", о которой ходит столько слухов?

– Мне не нравится такое прозвище, но да – это я. – скривившись от такого прозвища, произнёс я. Появилось даже желание сплунуть, но я сдержался

– Ой, Простите мне мои манеры! Рад, очень рад с вами познакомиться лично! – Вежливо поклонился Михаил, – позвольте ли вы мне провести небольшую экскурсию для столь хороших гостей? – снова повернулся он к Бэлле.

– Позволяем, – сказала она в той же аристократической манере. Похоже, это заразно, – но для начала, мы тебе кое-чего принесли... Не соизволишь посмотреть и принять наш скромный презент?

С этими словами я показал то, что держал в руках, а именно ту самую хоккейную маску, что мы нашли накануне, лежащей под столом, брошенная и всеми забытая.

– Где... где вы её нашли? – чуть ли не с силой он выхватил её из моих рук.

– В баре. Кто-то из посетителей оставил, – пожав плечами, ответил я, – поначалу вывелись объявление, но никто так и не удосужился за ней прийти. И тут Бэлла рассказывает про твой музей и про то, что эта маска может быть тебе крайне полезна.

– Ох, Бэлла, да ты меня просто спасла! Эта маска очень похожа на ту, что мне нужна! Ой, ну что же мы всё в проходе стоим? Проходите же, гости дорогие!

* * *

Внутри было очень просторно. Сразу был виден первый зал, куда мы и направились, надев на ноги самые настоящие бахилы. И первым делом мы наткнулись на девушку, которая неожиданно оказалась передо мной и тихим голосом попросила у меня снять кобуру с обрезом. Девушка была бы очень красивой... если бы не была мёртвой. На это указывала её бледность (она была ещё более бледной, чем Бэлла) лет восемнадцать на вид, худенькая, в белом платье. А главное, это глаза. Такие же глаза, как у тех зомби, что были у склада, где держали Андрея.

– Отдайте обрез, Сергей, – обратился ко мне Михаил, – ничего с ним не здесь не случится. Таковы правила моего музея. Не волнуйтесь, вам здесь ничего не угрожает. Вы мои дорогие гости! Бэлла мне много раз помогала, когда у нас были общие дела, а вы вообще символ и знамя живущих в этом мире людей. Именно вы своим примером смогли дать мне уверенность в том, что мы сможем выжить, ни смотря не на что! Так что здесь вы в полной безопасности! А если же кто-то всё-таки нападёт на нас, ваш покорный слуга, или Алечка (он показал на девушку) справимся с вашей защитой. И даже если на нас ополчиться целая армия нечисти, у меня здесь есть целый арсенал. Так что отобьёмся!

Тут он улыбнулся и показал большой палец. Что же, делать нечего. Пришлось отдать оружие, правда тут же возникло очень противное ощущение, как будто на мне исчезла вся одежда. Всё таки сроднился я за это время с оружием.

Первый зал был оформлен с закосом под музейный павильон с куклами, изображающими различных животных. Вот только животные здесь были... кхм... специфические.

– Итак! – В экспрессивной манере начал Михаил. – В этом зале собраны останки самых удивительных существ, которые долгие и долгие века пугало Терридитов.

– Извини, что перебую, но кто такие Терридиты? – не очень вежливо перебил я Михаила.

– Ничего страшного! – Отмахнулся он от моего извинения. – Для этого я и здесь, что бы рассказать вам, чем я тут занимаюсь. Так вот, этот термин ввёл я несколько лет назад, что бы хоть как то называть людей с Терры.

– А зачем-же так сложно? Нельзя было обойтись более привычными терминами?

– А что бы обязательно кто-то об этом спросил! Шучу. Просто местные очень обижаются на то, что у них классификация есть, а у нас, людей, нет. Так вот, я продолжу. Вендиго, Чупакабра, Йети, Человек-Ящер, и гордость моей коллекции – детально воссозданные скелеты дракона и чудовища озера Лох-Несс. Посмотрите наверх, они прямо над вашими головами!

Мы подняли головы. И правда, под самым потолком висели два гигантских костяка, один из которых очень напоминал древних обитателей морей и океанов, а второй – ни на что не похожий, скелет, с громадной головой. Сама туша была огромна, судя по размерам от кончика носа до острого шипа на конце, который, скорее, напоминал своим видом клинок в виде неправильной латинской буквы U (настолько он был тонок и остр), этот летающий ящер был побольше Лох-Несского чудовища раза так в полтора.

– Михаил, я поражена! – в изумлении проговорила Бэлла, – в прошлый раз твоя коллекция была куда скромнее, да и декорации красивые появились.

И действительно, каждый экспонат был представлен в двух вариантах: с кожей и шерстью. Стояли же они на постаментах, а рядом с ними, можно сказать, что в зеркальном отражении, стояли их скелеты.

– Всё от полного безделья! – ответил Михаил, – моя работа неограниченна по времени, и я достаточно свободен, могу здесь сделать многое. Да и Алечка мне помогает, за что ей огромное спасибо!

Пока наш экскурсовод, был занят рассказом о своих достижениях, я принялся разглядывать все представленные здесь экспонаты.

Что ещё было хорошего в этом зале, рядом с каждым скелетом той или иной твари, было подробное описание, которое было приятно почитать, чем я собственно и занялся, подойдя к скелету Вендиго.

Скелет был достаточно высокого роста, выше меня головы на две, с очень странным черепом. Подбородок был слишком заострён, зубы на человеческие походили мало. Длиннее, да и острее намного. Да и больше их... Раза так в два. Сам он стоял сгорбившись, позвоночник был тоже явно длиннее обычного, но при этом сильно скруглён в районе шеи. Руки и ноги тоже были довольно длинные. Пальцы на ногах были ужасно длинными и заканчивались острыми когтями. Рядом со скелетом, зеркально стояло чучело сгорбленной твари. "Ну и рожа у тебя была при жизни, братец... С такой харей тебе даже фотографию в паспорте не надо показывать, и так все ужаснутся!" подумал я, посмотрев на морду экспоната. Губ и щёк у него не было, вместо них от уха до уха была "улыбка" в 64 острых клыка. Вместо ушей и глаз были две щёлки на лице и аккуратные дырочки рядом с висками. Волос на черепе, как таковых не было, зато позвоночник очень явно выпирал из-под кожи. Такое ощущение, что ещё немного, и кожа на спине попросту порвётся. Тело было худым на столько, что пленные каторжники с каких-нибудь соляных рудников, которых морили голодом две недели, скинулись бы ему на хлеб и воду. И цветом он был мертвенно-серый, даже до синевы... только кисти и морда были красными, от крови, судя по всему.

Затем я посмотрел на описание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.